

Ду Тан смотрел на закрытую дверь. Его брови изогнулись, а уголки губ почти дотянулись до уголков глаз. На его лице появилась нелепая улыбка, словно он был глупым сыном помещика.

Он положил руку на левую щёку, которую только что поцеловал Линь Цзянхэ, словно всё ещё мог вспомнить мягкое прикосновение.

Ду Тан: «Он только что сказал «люблю тебя». Хотя можно понять, что это из-за чрезмерной радости и волнения, но разве это не говорит о том, что у него тоже есть чувства ко мне? Как сильно я ему нравлюсь?»

Ду Тан думал о маленьком страусе в комнате, на его лице появилась опьяняющая улыбка. Жаль, такую красоту некому было оценить.

Он поднял капельницу одной рукой, подошёл к двери гостевой комнаты и тихо постучал локтем руки, к которой была прикреплена эта самая капельница.

— Выходи. Я знаю, что ты не специально и не пытался мне признаться. — Чистый и мягкий голос Ду Тана скрывал лёгкую горечь.

Ду Тан: «Как было бы хорошо, если бы это было правдой. Но ничего, однажды я заставлю тебя сделать это по собственному желанию».

Услышав его мягкий голос, Линь Цзянхэ почувствовал ещё больше неловкости, но не проронил ни слова.

Ду Тан ещё несколько раз тихо постучал, но Линь Цзянхэ всё не отвечал. Он знал, что молодому человеку всё ещё было стыдно, и молча стоял за дверью. Больше он не стал стучать и просто тихо ждал.

В конце концов Линь Цзянхэ тоже понял, что так продолжать нельзя. Он внезапно встал, открыл дверь и сразу увидел за дверью болезненного Ду Тана. В тот же миг он отбросил всю предыдущую неловкость.

Он поспешно взял капельницу из рук Ду Тана, с упрёком сказав:

— Брат Ду, ты ещё болен, иди скорее ложись.

Линь Цзянхэ помог ему вернуться на диван.

— Я в порядке, сейчас уже чувствую себя намного лучше. — Ду Тан покачал головой и тихо усмехнулся. Его взгляд был нежным и мягким.

— Брат Ду, извини. Только что я был слишком счастлив и благодарен тебе. Я случайно обидел тебя, но я не специально! — Линь Цзянхэ опустил голову, не смея смотреть на выражение его лица.

Линь Цзянхэ: «Брат Ду даже не разозлился, а ещё утешает меня. Он так хорошо ко мне относится, а я так поступил — это совершенно неправильно!»

— Ничего, я правда не злюсь. — Ду Тан выглядел спокойным и безмятежным. — Ладно, не будем об этом. Думаю, ты вполне доволен моим подарком?

— Доволен, доволен, очень доволен! Я никак не ожидал, брат Ду, что ты pomoжешь мне запустить мой самодельный скин* для Ли Бо! Боже! Брат Ду, ты просто потрясающий!

П.п.: Внешний вид/образ персонажа.

Говоря на эту тему, Линь Цзянхэ всё ещё был очень взволнован. Честно говоря, узнав эту новость, его первой мыслью было отдать себя! А затем он...

Глаза Ду Тана наполнились улыбкой. Он тихо заговорил, и его голос словно тёплый ветерок коснулся уха Линь Цзянхэ:

— Главное, что тебе нравится.

Ду Тан: «Так сильно нравится? Тогда, может, запустить ещё несколько?»

— Очень нравится! Я даже не знаю, как тебя благодарить! — Голос Линь Цзянхэ был радостным, словно у весёлого оленёнка.

— Не стоит!

Ду Тан: «Я сам возьму благодарность».

— Нет, стоит. Брат Ду, у тебя есть какое-нибудь желание? — Взгляд Линь Цзянхэ был твёрдым, он явно не собирался просто так оставить это.

— Тогда... споешь мне песню? — Ду Тан, видя его решительное отношение, не захотел отвергать добрые намерения и лишь выдвинул маленькое пожелание.

— Хорошо, но разве одной песни будет достаточно? В дальнейшем, если брат Ду захочет послушать, я всегда тебе спою!

Линь Цзянхэ выглядел очень щедрым и великодушным, совершенно не осознавая, что даёт обещание, требующее целой жизни для исполнения.

— Хорошо. — Ду Тан поторопился согласиться, не давая ему возможности передумать.

Ду Тан: «Ты сам сказал это, у тебя нет пути назад. Я больше не отпущу тебя!»

Как раз в это время раздался звонок в дверь. Оказалось, пришёл доктор Чжао.

— Как состояние пациента?

— Всё хорошо, доктор Чжао, посмотрите его ещё раз. — Линь Цзянхэ поспешно впустил Чжао Шэна.

Доктор Чжао взглянул на почти пустую капельницу, заново осмотрел Ду Тана и дал наставления:

— Неплохо, температура спала, завтра уже не нужно будет ничего капать. Но лекарства нужно продолжать принимать, одновременно обращать внимание на отдых и рационально сочетать питание.

— Хорошо, я понял. Я буду хорошо следить за братом Ду. — Линь Цзянхэ энергично кивнул.

Ду Тан с улыбкой кивнул в ответ, совершенно не возражая.

Чжао Шэн посмотрел на двух людей, атмосфера между которыми сильно изменилась по сравнению с прошлым, и в его глазах мелькнул интерес: «Значит, продвинулись дальше? Интересно, когда я получу приглашение на свадьбу? Думаю, мне не придется долго ждать».

После ухода доктора Ду Тан снова обрёл свободу передвижения, но под надзором Линь Цзянхэ он всё же послушно лежал на диване. Можно сказать, вел себя очень покорно.

Линь Цзянхэ вспомнил предыдущую договорённость и спросил:

— Брат Ду, какую песню ты хочешь послушать?

— Всё равно, — с улыбкой ответил Ду Тан.

— Тогда спою «Небо и земля», я не очень много песен умею петь, — застенчиво произнес Линь Цзянхэ.

«Небо и земля» была финальной темой сериала «Записки о расследованиях», Линь Цзянхэ часто её слышал и почти научился петь.

— Хорошо. В том шкафчике есть губная гармошка, я тебе подыграю. — Ду Тан указал пальцем на шкафчик в стороне, его изогнутые глаза напоминали полумесяцы.

— Хорошо. — Линь Цзянхэ подумал, что игра на губной гармошке — не такое уж физически сложное занятие, и принес её Ду Тану.

Хотя это было их первое совместное исполнение, казалось, будто они уже много раз играли вместе: пение и звучание гармошки идеально сливались, прекрасные ноты кружились и прыгали в комнате.

— Не ожидал, что брат Ду ещё и на гармошке играет. А кроме гармошки, на каких ещё инструментах ты умеешь играть?

Линь Цзянхэ с обожанием посмотрел на мужчину. Его глаза сияли, полные звёздочек.

— На фортепиано и немного на скрипке. Хочешь послушать?

— Хочу, но сейчас нельзя. Брат Ду, ты ведь ещё болен.

— Хорошо, тогда послушаешь в другой раз. — Ду Тан покорно согласился без малейших возражений.

Линь Цзянхэ посмотрел на фортепиано, стоявшее в стороне в гостиной, и на его лице мелькнула тень зависти, которую Ду Тан, постоянно наблюдавший за ним, сразу заметил.

— Умеешь играть?

— Нет. — Голос Линь Цзянхэ сначала прозвучал немного уныло, но затем в нём появилось оживление. — Можно я потрогаю?

Фортепиано было его недостижимой детской мечтой.

— Конечно. — Ду Тан с сердечной болью кивнул, не забыв добавить обещание: — Когда будет время, научу тебя играть.

— Правда? Не будет ли это слишком обременительно для тебя? — Сначала глаза Линь Цзянхэ загорелись от радости, а потом в них появилось колебание.

— Какое же это обременение? Разве я сам не обременяю тебя? Теперь дошла очередь до тебя, и ты не хочешь меня обременять? — притворившись рассерженным, спросил Ду Тан.

Линь Цзяньхэ поспешил объяснить:

— Нет, нет, я согласен.

— Хорошо, тогда договорились!

Линь Цзяньхэ протянул свою белую нежную правую руку, с озорством предложив:

— Хорошо, договорились. Тогда давай скрепим мизинцами.

— Ладно. — Ду Тан тоже протянул правую руку.

— Мизинцы сцепились, поклялись на сто лет. Кто изменит — тот подлец. — Линь Цзяньхэ подмигнул, вид у него был лукавый и забавный.

— Хорошо. — Ду Тан последовал за ним. Его сердце растаяло от сладости.

* * *

На следующий день температура Ду Тана спала. Линь Цзяньхэ, заключив с ним «соглашение», отвёз его в съёмочную группу и сам остался там. С одной стороны, он учился актёрскому мастерству, с другой — присматривал за его поведением.

В итоге учитель Шэнь Лян снова провёл утро в полном удовлетворении, свободно оттачивая своё мастерство, в душе поражаясь, как же хорош этот молодой Ду Тан. Его актёрская игра ничуть не уступала его собственной, и, возможно, со временем он тоже оставит свой яркий след в истории кино.

Режиссёр Ли тоже был доволен и в обед даже организовал дополнительное угощение для всей группы. Ду Тан взял диетическую еду для больных, которою ему приготовил Линь Цзяньхэ, и в приятной атмосфере пообедал вместе со всеми.

К сожалению, незванный гость нарушил покой всей съёмочной группы. Пришедшей оказалась Ян Цзин, которая за эти дни в полной мере вкусила горечь жизни.

Сначала её жестоко избили и положили в больницу, затем над ней посмеялся агент, после чего компания расторгла с ней контракт, а в интернете поднялся шквал оскорблений. Сейчас она была просто как мышь, пробегающая по улице. Никто не хотел иметь с ней ничего общего.

В панике она пыталась найти выход, но везде натыкалась на стену. Ситуация становилась всё хуже. Два бренда, которые она недавно рекламировала, и несколько съёмочных групп, с которыми она подписала контракты, подали на неё в суд, требуя компенсации за нарушение обязательств.

Изначально накопленные за годы средства ещё могли кое-как покрыть эту дыру, но, к несчастью, беда не приходит одна. Её тайный парень Чжэн Цзи сбежал за границу, прихватив все её деньги. Хотя полиция уже возбудила дело, вернуть их обратно, вероятно, будет нелегко.

Ян Цзин не хватало денег на погашение долгов, пришлось продать всю свою недвижимость, из-за чего она почти оказалась на улице, но долги всё равно оставались невыплаченными. Ситуация продолжала ухудшаться, словно чья-то рука управляла всем этим из-за кулис.

В полной растерянности Ян Цзин не оставалось выбора. Она искала связи и просила помощи у всех, но так и не смогла выяснить, кто стоял за всем. В отчаянии она, как утопающий, хватавшийся за соломинку, решила обратиться к тем, кого обижала раньше, извиняясь перед каждым, надеясь, что стоящий за всем человек, видя, как она страдает, оставит её в покое.

Сначала она пошла в компанию извиняться перед одной молодой актрисой-ровесницей, которую ранее обидела, но её даже не допустили к ней, выгнав охраной.

Затем она снова везде натыкалась на отказы, как бездомная собака. Это была уже третья её остановка в этом путешествии с извинениями.

— Цзянхэ, умоляю тебя,пусти меня. Я знаю, что была неправа. Мне не стоило намеренно создавать тебе трудности! — Хотя Ян Цзин сейчас и находилась в беде, она была одета довольно опрятно, с тщательным макияжем. Стоя на коленях, она выглядела жалкой и трогательной.

К сожалению, все в съёмочной группе уже знали её истинную сущность, и теперь, видя её в таком виде, испытывали не столько жалость, сколько злорадное удовлетворение.

Линь Цзянхэ, естественно, тоже не поддался её чарам и отступил на шаг, избегая её попытки поклониться в ноги. Его выражение лица было холодным, словно он ничего не знал.

— Не понимаю, о чём ты.

Режиссёр Ли поспешил распорядиться выгнать её.

Ду Тан прикрыл собой молодого человека, работники съёмочной группы также пытались отделить Ян Цзин от него, и эта сцена ещё сильнее уязвила девушку.

— Отстаньте от меня, я сама уйду! — Ян Цзин вырвалась, широко шагнула прочь, но, уходя,

внезапно обернулась и злобно уставилась на Линь Цзянхэ.

Полная зависти и ненависти, она сказала:

— Как долго ты сможешь полагаться на свою внешность, чтобы угодить окружающим? Моё положение сегодня — это твоё завтра!

Поистине это были слова, разящие в самое сердце!

<http://bllate.org/book/13574/1204645>